

Актуальное состояние русского языка: ориентиры для говорящих и изучающих

Лилия Анатольевна Моря-Мицык

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ
ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
e-mail: liliamor79@mail.ru

В статье обсуждаются некоторые черты современного русского языка новейшего времени с привлечением аналогий из истории языка, рассматриваются проблемы и перспективы языкового развития с точки зрения тех, кто говорит по-русски и изучает русский язык.

Ключевые слова: современный русский литературный язык, жаргон, просторечие, заимствованные слова, язык Интернета, функциональный стиль, развитие языка.

Постановка проблемы. С конца XX века, начиная с так называемой постперестроечной эпохи (а может быть, и с самой перестройки) русский язык меняется под влиянием сложнейших социальных, технологических, цивилизационных процессов в обществе, на русскоязычном пространстве (т.к. следует признать русский язык достоянием не одной лишь России). При этом язык меняется так быстро и так интенсивно, что озабоченность его состоянием и судьбой выражают не только учёные, но и политики, деятели культуры, журналисты и многие просто неравнодушные к родному языку. И общий настрой обсуждений по поводу языка, как правило, очень негативный, тревожный и даже панический. Всё чаще говорят не только о порче, но и о гибели русского языка. В основном нарекания вызывают язык Интернета, распространение брани, злоупотребления заимствованиями, жаргонизмами и просторечными словами и т.д.

Выделяют социальные, психологические и собственно лингвистические факторы языковых изменений последнего времени. Среди социальных, во-первых, слом политической системы и появление свободы слова, по выражению Н.С. Валгиной, понятой «буквально и по отношению к манере выразиться» [1, с. 3]. Во-вто-

рых, это социальные преобразования в обществе, повлёкшие изменение контингента участников коммуникации, а кроме того, появление новых слоёв общества со своей манерой речи. Можно также отметить расширение круга лиц, получивших возможность высказываться публично (политики, артисты, спортсмены, теле- и радиоведущие) и далеко не всегда обладающих высокой речевой культурой. Среди психологических факторов главный — «инерционность мышления, препятствующая овладению не только нормами культуры речи, но и нормами бытового поведения» [5]. Лингвистический фактор заключается в способности и даже настоятельной потребности языка постоянно развиваться и изменяться с течением времени, прежде всего в контексте истории народа / нации.

Однако, как указывает Н.С. Валгина, «обсуждая состояние русского языка сегодняшнего дня, надо разграничить вопросы собственно языковые и вопросы речевой практики, вопросы языкового вкуса исторического момента» [1, с. 4], ведь то, что принимают сегодня за проблемы современного русского языка — это, скорее, «проблема культуры речи, проблема этики публичного выступления, наконец, проблема языкового воспитания» [1, с. 3].

Главные вопросы, которые встают перед теми, кто говорит по-русски, изучает или преподаёт русский язык: почему это происходит? Что, собственно, происходит? И что с этим делать? В связи с этим **цель статьи** — анализ актуального состояния русского языка с точки зрения его проблем и перспектив, попытка установить некоторые ориентиры для говорящих по-русски и изучающих русский язык.

Один из самых болезненных вопросов — вопрос заимствований в русском языке (Е.М. Кри-

жановская, А.П. Сквородников, О.П. Ермакова, Е.В. Какорина, В.Г. Костомаров). Указывают на возросший объём употребляемых иноязычных слов, на избыточность тех или иных заимствований. Следует сказать, что на протяжении своей истории русский язык переживал несколько волн иноязычных заимствований: одна из самых первых наблюдалась в X в. после Крещения Руси (грецизмы и старославянизмы), далее в XIV–XV вв. (грецизмы и болгаризмы). Заимствования из европейских языков активно проникают в русский язык в XVII – нач. XVIII в. (Петровская эпоха), затем в XIX в. в результате бурного развития науки и техники. По наблюдениям Л.П. Якубинского, в Петровскую эпоху в русский язык вошли слова *алгебра, оптика, глобус, апоплексия, ланцет, компас, крейсер, порт, корпус, армия, гвардия, кавалерия, атаковать, штурмовать, комиссия, контора, акт, аренда, проект, рапорт, тариф* и мн. др. И их заимствование признаётся «прогрессивным; эти слова обогащали русский литературный язык» [14]. В то же время увлечение иностранной лексикой и стремление щегольнуть модным словом, знанием европейских языков привели к немотивированному использованию заимствований, что сказывалось на качестве русской речи. Сам царь Пётр требовал целесообразного, оправданного употребления иноземных слов; например, одному из своих послов он писал: «В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради тебе впредь реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов» (цит. по: [14]).

К концу XIX в., по свидетельству В.В. Виноградова, «язык журнальной публицистики находится в тесной связи и взаимодействии с научным языком». В результате в литературную речь второй половины XIX – начала XX в. входит множество слов из понятийной сферы различных наук, зачастую в новом, свойственном общеупотребительному языку значении, например: *аграрный, артикуляция, абберация, агломерат, внушение, предумышленный, причинность, кристаллизация, умственный горизонт, экземпляр* и др. Таким образом, в общелитературном языке значительно расширяется пласт интернациональной лексики и терминологии, например: *агитировать, интеллигенция, интеллектуальный, консервативный, максимальный, минимальный, прогресс, рационализировать, коммунизм, интернационал, культура, цивилизация, реальный, индигуальный, радикал* и др. [2].

Судьба иностранных слов может быть различной. Они могут уже настолько «обрусеть», что их даже трудно заподозрить в иноязычном происхождении (*корабль, грамота, свёкла, парус, глаз*). Могут полноправно войти в состав общеупотребительных слов, могут остаться узкими профессионализмами или терминами, а могут со временем быть вытесненными исконно русскими словами (как, например, слово *натура* в значении «природа» во времена Н.М. Карамзина, или *политес* времён Петра Первого в значении «обхождение, правила поведения»).

Что касается избыточности заимствований, приведём две цитаты из книги писателя К.Ф. Яковлева «Как мы портим русский язык». 1. «Высшим «шиком» иного словесного щёголя стало сказать: *круиз* (путешествие), *ленч* (второй завтрак), *сервис* (обслуживание), *офис* (учреждение), *босс* (руководитель)... Спортивным обозревателям и комментаторам просто не обойтись теперь без *прессинга* и *дриблинга*, *клинча* и *фола*, без *спурта*, *аутсайдера* и *рефери*. Подумаешь – судья! Рефери – это звучит... Смэш – вот это блеск». 2. «И дело, пожалуй, не столько в словечках «сервис», «хобби», «круиз» и им подобных. Беда в том, что, без нужды и без меры заменяя свои слова иностранными, кое-кто разучивается и думать по-русски» [13].

Если по поводу *сервиса* («то же, что обслуживание») и *хобби* («любимое занятие, увлечение для себя, на досуге») нам трудно не согласиться, толковые словари русского языка (словарь С.И. Ожегова, словарь под редакцией А.П. Евгеньевой) дают для этих слов и их русских эквивалентов практически одинаковые толкования, то слово *офис* уже труднее заменить русскими синонимами. Об этом слове и возможности заменить его русским «контора» на форуме [lingvo.ru](http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=25622) разгорелась целая дискуссия (<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=25622>), свидетельствующая о том, что подобная замена далеко не однозначна.

Хотим отметить, что цитируемый выше К.Ф. Яковлев, может быть, сам того не желая, довольно точно определил психологическую мотивацию употребления заимствованных – более новых для языка – слов: «это звучит», «блеск». Действительно, *сервис* и *хобби* звучат современной и даже престижней, чем *обслуживание* и *увлечение*. «Любое новое заимствование несёт какую-то особую ауру и потому практически никогда не является полным аналогом уже существующих слов. Так, *модель* (выделено автором – Л.М.) – это больше, чем *манекеница*, а *стилист* – больше, чем *парикмахер*, хотя трудно объяснить, почему» (М. Кронгауз [7]).

Что же касается слов *круиз, ланч, босс*, то их ещё сложнее заменить аналогами, поскольку они уже не равны соответствующим русским словам. *Круиз* — это всё-таки не любое *путешествие*, а морское путешествие, обычно по кругу (родо-видовая пара), *ланч* — приём пищи в полдень в англоговорящих странах — не то же самое, что для нас *завтрак* или *обед*, а у слова *босс* есть значение, отсутствующее у русского слова *руководитель*: *босс* — это мой руководитель, непосредственный начальник, тот, кто надо мной. Благодаря чему это слово, например, употребляется в качестве обращения, что трудно себе вообразить для слова *руководитель*, а в употреблении в роли обращения, например, слова *начальник* есть уже совсем иные смысловые приращения. «Так что заимствование — заимствованию рознь. Если слово необходимо для того, чтобы адекватно говорить о чём-то новом, почему бы и не позаимствовать его у соседей по ойкумене» [11, с. 136].

Как указывает М. Кронгауз, русский язык имеет защитные механизмы «против» заимствований: он стремится как можно скорее их освоить, «одомашнить»: ср. компьютерные термины *собака, мыло, емелить, аська, клавиша* и подобные, и не только в компьютерном языке — *элочка, эмочка, мерин* (мерседес) и под. [6, с. 19–22]. В сходном духе высказывается и В.Г. Костомаров: «Русский язык с обилием в нём приставок и окончаний удивительно подходит для восприятия словесного импорта» [4, с. 112] (ср. примеры у Кронгауза *пиар — пиарщик, пиарить, отпиарить, пиар-компания* [6, с. 55]). Нам представляется, что использование слова в качестве словообразовательной базы — признак его «обрусения», а его производные, пожалуй, уже стоит считать «коренными жителями» русского языка.

Ю.Н. Караулов в статье «О состоянии современного русского языка» высказывается о проблеме конструктивно: «В наше переходное время объём иноязычных заимствований существенно вырос, и стремление поставить искусственные заслоны этому естественному явлению ни к чему не приведёт. В условиях глобализации современного мира заимствования неизбежны и необходимы. Они не представляют опасности для национальной самобытности такого богатого языка, как русский, но разумную меру соблюдать здесь тоже полезно» [3].

Следующая проблема — проникновение в сферы общения, традиционно обслуживаемые литературным языком, жаргонизмов и просторечия (прежде всего в публицистику, в язык

СМИ). Само по себе это явление не новое для русского языка. Так, В.В. Виноградов указывает, что в 1-й пол. XIX в. «растущая демократизация литературного языка имела своим следствием постепенное внедрение необходимых или удачно применённых областных крестьянских слов и выражений в общий язык (например, *наклёвываться* в значении «о деле»... *прикорнуть; осечься; мямить* и др.)» [2]. Устная речь и литературный язык взаимодействуют друг с другом, и в общеупотребительном языке появляются слова «из разных профессиональных диалектов и жаргонов как городского, так и деревенского языка (например, *бить по карману* — из торгового диалекта; *втереть очки* — из шулерского арго; *мёртвая хватка* — из охотничьего языка; *спеться* — из певческого диалекта, и др.)» [2].

Позже, во 2-й пол. XIX века — на рубеже веков, литературный язык продолжает взаимодействие с городским просторечием и жаргонами, особенно с профессиональными языками: фабрично-заводскими, индустриально-техническими — и бытовым обиходным языком буржуазии, интеллигенции и полуинтеллигенции. Так, в литературную речь попадают и приобретают в ней новые значения элементы «экспрессивно-жаргонной речи (например, из воровского арго: *валять дурака, тянуть вольнку* и др.; из актерского арго: *этот номер не пройдёт*; из арго музыкантов: *играть первую скрипку, попасть в тон, сбавить тон* и др.; *разделать под орех* — из языка столяров и т. п.)» [2].

Что касается современности, то, по мнению М. Кронгауза, «после перестройки мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную. ...Глупо говорить о его (языка) засоренности, глупо вообще пенять на язык, коли жизнь у нас такая» [6, с. 18]. Эти явления, как многое в языке, не просто неслучайны, но вполне функциональны, так как вызваны приспособлением языка к новым реалиям жизни его носителей. «...Многие из «бандитских» слов оказались востребованы языком и после того, как сама бандитская действительность если не исчезла, то хотя бы затухала, стала менее заметной. ...Самой же любопытной оказалась судьба нескольких слов, которые из разряда бандитских перешли в общеупотребительные. ...Часто они заполняют определённую лакуну в литературном языке...» [6, с. 26–27]. В качестве примера лингвист приводит слова *гостать, наезг и беспредел*.

Даже самые пессимистично настроенные вынуждены признать: «Справедливости ради нужно отметить, что бывают жаргонизмы до-

вольно точные и образные, они имеют шанс со временем войти и входят в литературный язык, в ту его часть, которая называется разговорно-бытовым языком (языком неофициального бытового общения). За пределами бытовой сферы их употребление должно быть осторожным и мотивированным специальными целями» (А.П. Сковородников [12]).

С вовлечением в оборот речи жаргонизмов и просторечия связана проблема стилистического разнобоя. М. Кронгауз указывает: «„Нонешнее“ поколение, то есть люди до двадцати пяти, не всегда могут их (сленг и литературный язык — Л.М.) различить и, например, не понимают языковой игры, основанной на смешении стилей, которая так характерна для русской литературы» [6, с. 15]. На этот субъективный фактор накладывается фактор объективный — стилистическая перестройка языка (выделение языка / языков Интернета; кристаллизация делового языка — языка бизнеса, бизнес-переговоров, который не равен официально-деловому языку; дальнейшая дифференциация подстилей сложившихся функциональных стилей) в связи с новыми ситуациями общения. Следующий закономерный этап — этап нормализации и оформления новых стилей / подстилей.

Если обратиться к истории языка, то подобную ситуацию мы увидим в XVII в. в языке протопопа Аввакума, а позже, в XVIII в., языке Г.Р. Державина. То, что объединяет этих двух писателей, — резкое смешение разностилевых элементов, которое было обусловлено своими причинами: во времена Аввакума — это поиск народно-разговорной основы литературного языка, во времена Державина — преодоление жёсткой системы «трёх штилей», которая, выполнив свою задачу, начала тормозить развитие языка, и сближение письменно-книжной и разговорной разновидности литературного языка. В обоих случаях творчество (в том числе нормо- и речетворчество) этих писателей становилось толчком к дальнейшему развитию литературного языка, его переструктурированию и упорядочению. (Другое дело, что у Аввакума и Державина смешение стилей было результатом более или менее осознанной, целенаправленной работы с языком, а не нечуткости к языку или непонимания границ его стилистических подсистем.)

Следующая «болевая точка» современного языка, точнее, не столько языка, сколько речевой культуры его носителей — уровень правильности, т.е. соответствия норме. Как негативную тенденцию отмечают массовость речевых ошибок [10]. Между тем Е.М. Крижановская ука-

зывает: «Однако увеличение в речи носителей русского языка числа «запретных» грамматических оборотов нельзя оценивать только как ухудшение языковой способности наших современников. Многие исследователи говорят о том, что увеличение ошибок в речевом употреблении свидетельствует о проявлении соответствующих тенденций развития русского языка» [5]. Подробнее об этом высказывается Н.С. Валгина, называя «шквальное нарастание вариантных форм» и «лавинное разрастание словообразовательных типов и моделей» реальными динамическими процессами в языке. И далее развивает эту мысль: «Такое явное качество современного языка, как нарастающая вариантность языковых знаков, может быть воспринято как явление положительное, поскольку предоставляет пользователям языка возможности выбора, что, в свою очередь, свидетельствует о расширении возможностей языка в плане удовлетворения конкретных коммуникативных задач. Значит, язык становится более мобильным, тонко реагирующим на ситуацию общения, т.е. обогащается стилистика языка» [1, с. 3–4].

Н.С. Валгина указывает и причину вариативности языковых средств: «...Современный русский язык, в силу сложившихся исторических обстоятельств, сегодня черпает ресурсы для обновления литературной нормы именно здесь — в средствах массовой информации, в разговорной речи, хотя долгое время таким источником была художественная литература... Сменой источников формирования литературной нормы объясняется и утрата нормой прежней жёсткости и однозначности. Такое явление в современном языке, как вариантность нормы, — не признак её расшатывания и потери стабильности, а показатель гибкости и целесообразной приспособляемости нормы к жизненной ситуации общения» [1, с. 4–5].

Один из самых острых языковых вопросов современности — это «растабуирование мата» (А.П. Сковородников [12]). На первый взгляд, предмет речи таков, что двух мнений и расхождения оценок быть не может. На деле, однако, и здесь не всё однозначно. Вот что говорит об употреблении «крепкого словца», в том числе и обценной лексики, в одном из своих интервью писательница Дина Рубина: «Нет, бывает, что человек по своему темпераменту вполне в силах оставаться в пределах конвенциональной лексики. И душа не просит большего накала эмоций. А бывает — требует сильнеешего градуса. Это как диапазон певца — кто-то берёт верхнее «ми», а кто-то и до «ля» дотягивается. Слово — энергетический ступок. Бывают ситуации, ког-

да обычных слов для вербального изъяснения эмоций явно недостаточно. Тогда, чтобы вас не хватил удар, надо ругнуться, сбросить напряжение. В прозе это — сильная краска, я ею пользуюсь достаточно редко» [8]. А вот мнение лингвиста: «Увы, брань запретить нельзя. Она есть во всех языках и, значит, для чего-то человеку нужна, ну хотя бы для выражения негативных эмоций» (М. Кронгауз [6, с. 158]). Конечно, психологический фактор — далеко не единственная причина употребления бранных, вульгарных слов, но, по крайней мере, это и здесь указывает на функциональный отклик языка на потребности человека.

Что действительно требуется от воспитанного человека, уважающего собственное достоинство и достоинство и чувства других людей (увы, при условии, что это уважение и это достоинство у человека имеется), так это соблюдать правила, как ни парадоксально звучит, употребления обценной лексики: «Культурным считался не тот человек, кто не знал, что такое мат, или не употреблял его вовсе, а тот, кто знал соответствующие правила и умел, говоря научным языком, переключать регистры...» [6, с. 160]. Поэтому проблема вульгарной брани находится в ведении прежде всего психологов, педагогов, культурологов, а затем уж лингвистов.

И в качестве обнадеживающего хотелось бы указать следующий факт: «Особенно любопытно отношение к мату в Интернете. Здесь вроде бы отсутствует цензура, всё дозволено и мат должен процветать, но тем ценнее возникновение спонтанных культурных запретов», например в Живом журнале книжного сообщества ru_books [6, с. 162].

Проблемой, актуальной в культурном пространстве Украины, считается языковая интерференция, в нашем случае русского и украинского языков. По наблюдениям лингвистов, самый обширный слой украинизмов в русском языке — это своего рода инкрустация, вставка украинского слова / выражения в русскую фразу. Приведём пример из бытовой разговорной сферы: в последнее время весьма популярны так называемые талант-шоу — «Танцуют все!», «Україна має талант!» и под. Заметьте, что если название первого легко употребить в русском переводе вместо украинского «Танцюють всі!», то название второго в переводе воспринималось бы с затруднением и потому не употребляется по-русски ввиду грамматических отличий между русским и украинским языком, поэтому неудивительно услышать / прочитать фразу вроде «Телеканал СТБ начинает поиски талантов, которые примут участие в новом сезоне глав-

ного шоу страны „Україна має талант!“» (<http://forum.stb.ua/index.php?showforum=493>). И подобные факты, конечно же, признаются порчей русского языка (также как употребление русизмов — порчей украинского языка).

Вслед за А.Н. Рудяковым мы считаем указанное языковое явление свидетельством появления национального варианта русского языка: «...ядро русскоязычного пространства формируется национальными вариантами русского языка, возникающими в государствах, использующих для осуществления социального взаимодействия русский язык наряду с другим национальным языком: украинским, казахским, белорусским. ...Это украинский, казахстанский, белорусский... национальные варианты русского литературного языка» [9]. По мнению учёного, речь идёт не только не о порче, но о жизненной силе и функциональности языка, который обогащается в том числе благодаря ресурсам «языка-партнёра»: «способность порождать национальные варианты свидетельствует о силе и мощи языка» [9].

Не столько языковыми, сколько собственно стилистическими, прагматическими, может быть, отчасти педагогическими проблемами являются низкая культуры устной и письменной публичной речи и устной разговорной речи (при всей её свободе, спонтанности и непосредственности), а также обеднение лексикона и фразеологических ресурсов у молодого поколения (автор статьи постоянно сталкивается с этим в ходе преподавательской деятельности, выясняя, например, что студенты-филологи 1-го курса не знают значения слов *минарет*, *стреха* и др.). Решением этой проблемы должна быть прежде всего работа над собой, над собственной речевой культурой.

При этом, как нам кажется, общество на современном этапе обладает регуляторами речевого поведения человека. Сегодня всё более повышаются требования к коммуникативной компетентности человека, к его речевой культуре как фактору конкурентоспособности и успешности. Связано это прежде всего с увеличением профессий типа «человек — человек» (журналистика, педагогика, медицина, коммерция, реклама, менеджмент, сфера обслуживания), для которых владение языком — одно из профессионально необходимых качеств. Значит, если молодой человек хочет быть успешным и востребованным специалистом, он будет вынужден заниматься и своим речевым развитием.

В электронном пособии «Русский язык и культура речи» в качестве слагающих такой работы над собой названы:

- чтение классической художественной литературы (это самый главный и эффективный метод);
- внимательное изучение нужных разделов в грамматических справочниках;
- использование словарей;
- обращение за консультацией к филологам;
- использование ресурсов Интернета [10].

Пользователь Интернета может воспользоваться сайтами, содержащими справочную информацию по русскому языку, стилистике и культуре речи, электронные словари, статьи по проблемам изучения и преподавания русского языка и другие полезные материалы:

- www.grammar.ru;
- www.grammatika.ru;
- www.gramota.ru;
- www.ruslang.ru;
- www.slovari.ru.

Возвращаясь к современному состоянию языка, отметим в заключение следующее. Чтобы объективно и непредвзято говорить о состоянии языка, нужно отказаться от оценок по шкале «хорошо — плохо». Н.С. Валгина указывает: «Язык изменяется. Это эволюционное качество заложено в нём самом. Но как изменяется? Вряд ли правомерно считать, что он постоянно и неуклонно совершенствуется. Оценки «хорошо» или «плохо» здесь неуместны... Современная наука о языке, при характеристике изменений в нём «к лучшему», предпочитает пользоваться принципом целесообразности» [1, с. 4]. Сходным образом высказывается В.Г. Костомаров: «Язык перестаёт быть идентичным самому себе во всех точках, т.е. переходит на следующий срез своей истории, отчего, конечно же, не перестаёт быть самим собой и не теряет функциональные потенции (скорее наоборот: он приспособляет их к новому состоянию общества)» [4, с. 296 — 297].

Но самое главное — то, что русский язык не прекращает интересовать не только учёных и специалистов, профессионально связанных с языком, но и собственно носителей языка. Об интересе к русскому языку свидетельствуют:

- журналы для специалистов и не только — «Русский язык», «Русский язык в школе», «Русский язык в научном освещении», «Русский язык за рубежом», «Мир русского слова»; научно-популярный журнал «Русская речь», пропагандирующий научные знания о русском языке, постоянно публикующий статьи по культуре речи; в Украине это «Русский язык и литература в школах Украины», «Русский язык, литература, культура в школе и вузе»; газета «Рус-

ский язык», у которой есть также сайты в Интернете, например сайт «Я иду на урок русского языка»;

- рубрики / программы в СМИ, в том числе на радио (например, «Говорим по-русски» на радио «Эхо Москвы», «Словарь ударений» на московском «Радио 7» — передачу можно найти в аудиоформате на сайте gramota.ru);
- конкурсы, олимпиады и проекты; обсуждения на конференциях, научные сборники, монографии;
- форумы в Интернете: Форум любителей русской словесности; Форум русского языка и литературы; Форум о русском языке; Международный гуманитарный форум «Русский язык между Европой и Азией»; Форум учителей русского языка и литературы — форумы для изучающий и для тех, кто преподаёт, форумы о культуре русской речи и под.;

отдельные (многочисленные!) запросы пользователей Сети в поисковых системах и системах типа «Ответы на Mail.ru», на сайтах русского языка: как правильно пишется, произносится, склоняется то или иное слово, выражение, что точно означает, как употребляется, как лучше сказать и под.

Существуют такие организации, как Общество любителей российской словесности, Российская гильдия лингвистов-экспертов, Фонд защиты гласности. В Украине это:

- Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (УАПРЯЛ), коллективный член Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ);
- Всеукраинская общественно-педагогическая организация «Русская школа»;
- Всеукраинская общественная организация «Правозащитное общественное движение „Русскоязычная Украина“»;
- Всеукраинская общественная научная организация «Украинская академия русистики»;
- Всеукраинская общественная организация «Национально-культурный творческий союз русских журналистов и литераторов»;
- Фонд поддержки русской культуры на Украине (Русский фонд).

Следует упомянуть также Программу развития регионального русского языка, русской культуры в г. Севастополе на 2012 — 2016 г. (а также предшествующую ей на 2007 — 2011 г.), в реализации которой принимает участие Севастопольский городской гуманитарный университет и кафедра русского языка и зарубежной литературы.

Выводы. По нашему убеждению, практи-

чески все изменения в русском языке рубежа XX – XXI вв. являются неизбежными, закономерными и не то чтобы позитивными, но целесообразными и свидетельствуют о том, что язык жив, развивается, отвечает коммуникативным потребностям общества и человека. Современные проблемы русского языка – это проблемы его носителей, точнее говоря, проблемы языковой и речевой культуры говорящих по-русски, которые тем не менее являются

вполне решаемыми – при необходимости и желании.

А напоследок нам хотелось бы привести слова М. Кронгауза из послесловия к книге «Русский язык на грани нервного срыва»: «Слухи о скорой смерти русского языка сильно преувеличены. И всё-таки о русском языке надо беспокоиться. Его надо любить. О нём надо спорить. Но главное – на нём надо говорить, писать и читать» [6, с. 215].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М., 2001. – 304 с.
2. Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды : История русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М., 1978. – С. 10–64.
3. Караулов Ю. Н. О состоянии современного русского языка / Ю. Н. Караулов // Русская речь. – 2001. – № 3. – С. 25–30.
4. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров ; [3-е изд., испр. и доп.]. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с. – (Язык и время ; вып. 1).
5. Крижановская Е. М. Либерализация современного русского языка: проблемы, итоги, перспективы [Электронный ресурс] / Е. М. Крижановская // Актуальные проблемы русского языка : Цитаты из классиков и другие материалы в помощь наставникам детского чтения. – Режим доступа : www.languages-study.com/russian-lihachov.html.
6. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва / М. Кронгауз. – М. : Знак ; Языки славянских культур, 2007. – 232 с.
7. Кронгауз М. Язык мой – враг мой? / М. Кронгауз // Новый мир. – 2002. – № 10. – С. 135–141.
8. Северская О. Говорим по-русски с Ольгой Северской / О. Северская. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2004. – 256 с.
9. Рубина Д. Больно только когда смеюсь / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2008. – 336 с. – (Серия: Большая литература. Дина Рубина).
10. Рудяков А.Н. Георусистика и национальные варианты русского языка // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 7–10.
11. Русский язык начала XXI в. [Электронный ресурс] // Русский язык и культура речи. – Режим доступа : <http://imp.rudn.ru/ffec/rlang/rl21.html>.
12. Сковородников А. П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе (тезисы) [Электронный ресурс] / А. П. Сковородников // Новая университетская жизнь : периодическое издание Сибирского федерального университета. – Режим доступа : <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>.
13. Яковлев К. Ф. Как мы портим русский язык / К. Ф. Яковлев. – Верхне-Волжское книжное изд-во, 1974.
14. Якубинский Л. П. Реформа литературного языка при Петре I // Избранные работы : Язык и его функционирование / Л. П. Якубинский. – М., 1986. – С. 159–162.

Моря-Міцик Л. А. Актуальне становище російської мови: орієнтири для тих, хто розмовляє російською та вивчає її.

У статті обговорюються деякі риси сучасної російської мови новітнього часу з залученням аналогій з історії мови, розглядаються проблеми та перспективи мовного розвитку з точки зору тих, хто говорить російською та вивчає російську мову.

Ключові слова: сучасна російська літературна мова, жаргон, просторіччя, запозичені слова, мова Інтернету, функціональний стиль, розвиток мови.

Morya-Mitsyk L. A. Current status of the Russian language: orientations for those who speak and study Russian.

This article discusses some of the features of the modern Russian language with the involvement of analogies from the history of language, deals with the problems and prospects of language development from the point of view of those who speak and study Russian.

Keywords: modern Russian literary language, slang, colloquialisms, loan words, the language of the Internet, functional style, the development of language.